ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 159.99:1(09) + 117 + 130.3

М. Б. Благовестный

АНТИЧНЫЕ ИСТОКИ ОНТОПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье раскрывается связь между онтопсихологической философской концепцией и такими классиками античной философии, как Парменид и Аристотель. Демонстрируется наличие преемственности онтопсихологической теории по отношению к философским концепциям Парменида и Аристотеля. Связь онтопсихологического учения с парменидовской философией обнаруживается через понятия «единое», «бытие» и «небытие». Связи с аристотелевской метафизикой обнаруживаются главным образом через понятия «сущность», «материя», «форма», «акциденция» и др. Через рассмотрение ключевых понятий и концепций античных мыслителей указывается на существование определенной преемственности концепции Менегетти по отношению к античной философии.

Статья представляет собой набросок к историко-философскому исследованию философских истоков онтопсихологии.

Ключевые слова: онтопсихология, онтопсихологическая философия, метафизика, античная философия, бытие, сущее, материя, форма, онто Ин-се.

К онтопсихологической теории сегодня проявляют значительный интерес не только психологи, — эта теория приобрела немалую популярность в бизнессреде. Психологические и психолого-управленческие аспекты онтопсихологии изучаются активно, выходят целые сборники статей по этой теме. В то же время практически отсутствуют какие-либо исследования, посвященные историкофилософским и философско-антропологическим основаниям онтопсихологии. Именно эти основания онтопсихологии вызывают интерес.

Рассуждая о началах любой философской теории или пытаясь полно изложить ее суть, мы с неизбежностью обращаемся к ее историко-философским корням. Глубже погружаясь в истоки философской теории, мы, как правило, доходим до ее античных корней, представляющихся предтечей интересующего нас образа мышления.

Так происходит не только и не столько в силу сложившейся традиции, но и по вполне понятной всем, кто занимается философией, причине: любая современная

западная философская концепция, теория, система суть продукт эволюции человеческой мысли, берущей начало в Античности.

Тем более целесообразно таким образом подходить к исследуемой теории, когда ее автор сам объявляет о своей связи с определенным философским концептом. В нашем случае именно так и происходит: создатель онтопсихологической теории Антонио Менегетти не только устанавливает прямую связь с философами, чьи идеи легли в основу его собственной концепции, но и определенно полагает основой своей теории метафизику.

На формирование онтопсихологической теории оказали влияние многие философские направления и научные идеи. Из близких по времени к самому Менегетти это психоаналитическая теория Фрейда и Юнга, феноменология Гуссерля, экзистенциализм и так называемая «третья сила» в психологии, которую представляет в первую очередь Абрахам Маслоу. Среди мыслителей более ранних периодов наибольшее влияние оказали Спиноза, Гегель и Маркс.

Тот факт, что Менегетти получил классическое католическое образование сначала в школе Францисканского ордена, в котором он состоял продолжительное время, и затем продолжил карьеру ученого в Университете Святого Фомы Аквинского, говорит об огромном влиянии на него католического мировоззрения и христианской философии, особенно схоластики.

О степени влияния на Менегетти каждого из перечисленных течений и мыслителей можно спорить. Однако целью данной статьи является рассмотрение философских основ — «начал» онтопсихологии в их связи с «началами» западной философской мысли, выявление явных и скрытых параллелей с такими ключевыми для античной и вообще западной философской традиции фигурами, как Парменид и Аристотель.

Прежде чем приступать к проведению параллелей между онтопсихологической философией и древнегреческой, следует сделать несколько предварительных замечаний, касающихся особенностей онтопсихологической концепции.

В основе онтопсихологической теории Антонио Менегетти полагает некое «элементарное знание» или «элементарную философию». Эта «элементарная философия», называемая им также «вечной философией», представляет собой «призрачный код, лежащий в основе всех элементарно-понятийных, познавательных кодов, всех моделей проявления ума, кроме всего прочего являющихся первой феноменологией самодвижения онто Ин-се» [6, 6]. Началом «элементарной философии» является метафизика. Метафизика у Менегетти совпадает с «чистой онтологией» и понимается им как «элементарная рациональность, относящаяся к бытию» [Там же, 11].

Стоит отметить, что, находя точку опоры своей философской позиции в метафизике, Менегетти соответствует духу времени. Достаточно вспомнить Хайдеггера, «вернувшего» метафизику в философский дискурс XX в.: «Метафизика есть основное событие в человеческом бытии. Она и есть само человеческое бытие» [8].

Современник Менегетти, один из основных представителей «третьей силы» в психологии Абрахам Маслоу, в конце 60-х гг. XX в. в предисловии к первому изданию книги «На подступах к психологии бытия» пишет: «...психология бытия

явно отличается от психологии становления и психологии неполноценности, что мы увидим ниже. Я убежден, что психологи должны пойти в направлении примирения психологии бытия и становления с психологией неполноценности, то есть совершенного с несовершенным, идеального с реальным, эупсихического с реальным, вечного с бренным, психологии цели с психологией средств» [3, 6]. Онтопсихология стремится реализовать призыв Маслоу в отношении установления этой связи между «психологией бытия» и «психологией неполноценности», понимая эту связь как связь бытия (онтологии) с «погруженным» в него, переживающим и мыслящим его человеком (психологии). Отсюда вполне понятно, почему проблематика бытия, т. е. онтологическая проблематика, является основополагающей для онтопсихологической теории.

Что представляет собой онтология в понимании Менегетти? Первый тезис, им утверждаемый, — «бытие есть, небытия нет», в точности перенятый от Парменида. Это фундаментальное положение определяет специфику философских оснований онтопсихологической теории: приняв это положение «элементарной» философии, Менегетти обозначает первую точку отсчета. «Бытием», которое «есть» и которое «естина = истина», обусловливается любой акт, в том числе акт мышления, утверждающий с помощью этого «бытие есть» себя через собственное основание. В противном случае, помещая мышление вне бытия, мы превращаем его в ничто.

Вслед за первым следует второй парменидовский тезис — утверждение о тождестве бытия и мышления: «...мыслить — то же, что быть...» [7, 49]. Этот, второй тезис не менее важен для онтопсихологической философии, чем первый, так как он определяет построение онтопсихологической концепции, связывая онтологию и психологию и образуя собственно специфику онтопсихологического мировоззрения. Менегетти полагает, что развившееся в философии и затем в науке на протяжении двух тысяч лет отделение мысли, идеи от сущего приводит в конечном итоге к «отрешению человека от бытия на психологическом уровне» и необходимости совершить процесс возвращения к собственному истоку, концептуализированному онтопсихологией в понятии «онто Ин-се».

По мнению Менегетти, уже Сократ, а вслед за ним Платон и Аристотель начали «отходить от бытия», выделяя сознание и усиливая его онтологический статус.

Напомним, что, когда речь идет о соотношении бытия и мышления, Аристотель говорит вполне четко, что «быть мыслью и быть постигаемым мыслью не одно и то же» [1, 399]. Однако он указывает на одно исключение из этого правила: когда «постигаемое мыслью и ум не отличны друг от друга у того, что не имеет материи», следовательно, «они будут одно и то же, и мысль будет составлять одно с постигаемой мыслью» [Там же]. Такое исключение возможно только в случае с божественным мышлением, направленным на самое себя и не «отягощенным» материей. «Единосущность между мышлением и бытием», находимая у Парменида, формирует своеобразную «точку опоры» метафизики или онтологии (а также антропологии) Менегетти: «человек в своем мышлении уже постигает реальность, потому что если мы выведем мышление за пределы реальности, всякое посредничество, направленное на постижение истины, будет абсурдным» [5, 8].

Далее бытию у Менегетти приписываются такие атрибуты, как единое, истинное и благое. Важно, что эти атрибуты и само бытие, само сущее в то же время являются взаимообратимыми понятиями. «Взаимообратимые понятия» суть тождественные друг другу понятия, если следовать логике Менегетти: «"Бытие", "единое", "доброе" и "истинное" обращаются друг в друга: если нечто есть, оно так же истинное, благое и единое» [4, 59]. Зачем вводить термин «взаимообратимость», когда постулируется элементарная тождественность вещей, не совсем понятно. Можно предположить, что под взаимообратимостью понимается не совсем тождественность, а скорее необходимое следование одного из другого и обратно, но подробного разъяснения у самого Менегетти на сей счет нет.

Парменид приписывал бытию свойства нерожденности и неподверженности гибели. Менегетти ограничился вышеперечисленными атрибутами. Выбор именно этих атрибутов бытия скорее всего обусловлен влиянием христианско-католического мировоззрения, которое Менегетти впитал в юные годы. Однако здесь мы не будем углубляться в этот вопрос.

Менегетти использует понятия «бытие» и «сущее» как синонимичные. На этапе построения онтологии он, правда, делает некоторый акцент на трансцендентном характере понятия «бытие». Бытие трансцендентно существующему миру вещей и выступает как «субстрат, делающий возможным всякое познание и, следовательно, трансцендентный всякому познанию» [6, 8].

Понятие «сущее» в большей степени акцентирует внимание на имманентном миру вещей и явлений аспекту бытия. В построении собственной концепции он чаще употребляет термин «онтический» — относящийся к существованию. Сам Менегетти не останавливается на вопросе соотношения этих двух терминов, но чаще употребляет понятие «бытие», когда речь идет о его трансцендентных свойствах, и употребляет термин «сущее», когда говорит об имманентной «стороне» бытия.

Постулировав «естиность» бытия как основополагающий принцип философии вместе с принципом тождественности бытия мышлению, Менегетти неизбежно переходит к вопросу типологии бытия. Этот вопрос сопряжен с выработкой основополагающего категориального аппарата, завершающего процесс оформления онтологии Менегетти.

Система категорий во многом заимствована у Аристотеля. Покажем это заимствование на конкретных примерах. «Сущность», по Менегетти, — «то, согласно чему есть» нечто. Сущность «устанавливает модус, форму, типологию бытия» [Там же, 15]. Этот термин у Менегетти соотносится с бытием, описывая его свойства принимать различные формы. Этого для автора онтопсихологической теории вполне достаточно, чтобы двигаться дальше.

Аристотель, как известно, при описании действительности избегал употребления термина «бытие», вырабатывая свой терминологический аппарат. Он выстраивал более сложную и более подробную схему описания сущего. Находим у Аристотеля в трактате «О душе»: «...под сущностью мы разумеем один из родов сущего»; к сущности относятся материя, «форма или образ, благодаря которым она уже называется определенным нечто», и «то, что состоит из материи и формы»

[2, 99]. Аристотель последовательно придерживался принципа «связывания» каждого понятия в своей системе как с более общим близким понятием (сущность — сущее), так и с менее общими понятиями (сущность — форма — материя). Далее Менегетти утверждает, что бытие может проявлять себя как субстанция

Далее Менегетти утверждает, что бытие может проявлять себя как субстанция или как акциденция. Эти термины, введенные в философский лексикон опять же благодаря Аристотелю, никакого отличного от классического смыслового оттенка в онтопсихологии не приобретают. Аристотель: «Сущим называется, с одной стороны, то, что существует как привходящее, с другой — то, что существует само по себе» [1, 242]. Таким образом, субстанция, или «под-лежащее», — это, в понимании Менегетти, то, согласно чему вещь именно такова, какова она есть, без чего она не может быть собой. Например Ин-се человека — это субстанция; все остальные качества человека — это акциденции, привходящие свойства, делающие человека именно таким, какой он есть, но не делающие его собственно человеком.

Далее, по Менегетти, следует, что бытие может находиться на уровне актуального или потенциального. Вот тут мы встречаем важное отличие от позиции Аристотеля, на которое ранее уже было указано: Менегтти использует понятия «бытие» и «сущее» практически как синонимы, в то время как Аристотель, а за ним и все последующие европейские философы (по крайней мере «классики» европейской философии), разделяют эти понятия: «бытие и сущее означают... что одно есть в возможности, другое в действительности» [Там же, 243].

Также, не углубляясь в подробности, Менегетти говорит о бытии, что оно

Также, не углубляясь в подробности, Менегетти говорит о бытии, что оно «может быть в положении причины или в положении следствия» [6, 15]. То же самое утверждал и Аристотель: «о некоторых вещах говорят, что они нечто предшествующее и последующее...» [1, 247], но давал довольно подробные комментарии о разных вариациях того, как реализуются отношения причинности и следования.

Следующий пример вновь демонстрирует схожесть основных тезисов Менегетти и положений метафизики Аристотеля, но одновременно служит прекрасной иллюстрацией ключевого отличия этих онтологических построений. В свойственной Менегетти манере высказываться тезисно, опуская развернутое толкование собственных изречений, одним предложением формулируется структура соотношения основных онтологических категорий: «После того как бытие случается как сущность в существовании и становлении, оно приобретает акциденции, атрибуты, вторичные модусы» [6, 16]. Так устанавливается связь между трансцендентным бытием и существующей действительностью.

У Аристотеля мы находим: «Бытие же само по себе приписывается всему тому, что обозначается через формы категориального высказывания, ибо сколькими способами делаются эти высказывания, в стольких же смыслах обозначается бытие. А так как одни высказывания обозначают суть вещи, другие — качество, иные — количество, иные — отношение, иные — действие или претерпевание, иные — "где", иные — "когда", то сообразно с каждым из них те же значения имеет и бытие» [1, 243]. Вот тут-то и обнаруживается основное отличие аристотелевской онтологии от взглядов Менегетти. Если первый занимается построением логики (свода рациональных правил) высказываний о мире, отделяя тем самым мышление (высказывание) о реальности от самой реальности, то второй, опираясь

на принцип тождества бытия и мышления, стремится описать логику реальности максимально соответствующими ей словоформами. У Аристотеля форма может быть отделена от содержания, но для Менегетти в этом разделении отсутствует всякий смысл.

Познания истины, по Менегетти, заключается в познании «последних причин» или «первоначал» [4, 44], а в Первой книге «Метафизики» Аристотеля находим: «Совершенно очевидно, что необходимо приобрести знание о первых причинах: ведь мы говорим, что тогда знаем о каждом отдельном случае, когда полагаем, что нам известна первая причина» [1, 160].

Аристотель в процессе поиска первоначал приходит к идее перводвигателя: «нечто, что движет, не будучи приведено в движение; оно вечно и есть сущность и деятельность» [Там же, 393], который у него тождествен Богу. Атрибуты аристотелевского первоначала в основном совпадают с упомянутыми выше атрибутами бытия, приписываемыми ему Менегетти [Там же, 394]. Синтезируя собственную онтологию, Менегетти формулирует понятие Первопричины, которая «суть Бытие, через себя самостоятельно существующее» и производящее «множественные следствия», «бытие или другие причины» [6, 79], добавив к описанию аристотелевского «перводвигателя» только схоластическую по духу формулировку: «через себя самостоятельно существующее».

Даже в процессе изложения главных для философии Менегетти философско-антропологических вопросов, таких как вопросы о природе и сущности человека, им нередко используются аристотелевские онтологические построения. Так, сущность человека, по Менегетти, имеет составной характер: состоит из материи-тела и души, которая здесь не называется «формой», а называется «началом», но логически совершенно безошибочно может быть идентифицирована как «форма». Ведь к сущности, по Аристотелю, относятся материя, форма и «то, что состоит из материи и формы», а «душа необходимо есть сущность в смысле формы естественного тела, обладающего в возможности жизнью» [2, 99]. Таким образом, несмотря на то, что в общем и целом антропология Менегетти, конечно, отлична от аристотелевской, но в некоторых своих основаниях, или «началах», она перенята у великого классика.

Добавим также явное заимствование Менегетти у Аристотеля основополагающих принципов гносеологии. Достаточные доказательства этого — принятие им принципа непротиворечия в его классической форме: «одна и та же вещь не может одновременно быть такой и другой, не может быть и не быть: либо она есть, либо ее нет» [6, 142]; признание этого принципа «первой логикой» и «первым инструментом критики», даже «самым мощным аргументом, которым обладает человеческая рациональность как силовым приемом в доказательстве» [Там же].

Мы не будем в данной статье разбирать этические аспекты онтопсихологического учения и его связи с античной философией, но отметим, что и в изложении собственной этики Менегетти периодически ссылается на Аристотеля, например при типологизации основных человеческих пороков [Там же, 168].

Итак, в процессе построения онтологического «фундамента» для онтопсихологической теории Менегетти регулярно апеллирует к некоей «вечной философии»,

универсальному коду, несущему основные знания о мире и человеке (онтология или метафизика) и основные принципы, законы познания (теория познания или логика). Эти основные знания и принципы иначе можно назвать «началами» всякого последующего знания. В части онтологии Менегетти отталкивается от Парменида и далее выстраивает метафизическую концепцию, по форме и по содержанию базирующуюся на метафизике Аристотеля. В части гносеологии Менегетти принимает базовые принципы аристотелевской логики. В этике, хотя и в значительно меньшей степени, чем в онтологии и логике, им также используются некоторые аристотелевские классификации.

Другими словами, высказываясь о бытии или сущем, Мненегетти не столько занимается высказыванием о бытии или сущем, как это делали, начиная с Сократа, большинство философов до него, сколько самим бытием или сущим, и обязательно человеческим.

В качестве выводов о преемственности онтопсихологической философии по отношению к античной, во всяком случае по отношению к двум конкретным обсуждаемым фигурам, можно утверждать, что оно имеет место быть. Философские основания онтопсихологии берут начало главным образом от Парменида и классической метафизики Аристотеля.

В процессе анализа связей менегеттиевской теории с античными мыслителями обнаруживаются некоторые особенности стиля изложения мыслей, характерного для Менегетти.

Первое — это неразъясненность многих тезисов, простое бездоказательное их утверждение. Это объясняется отчасти тем, что Менегетти преследует цель не построения теоретической системы, надежно защищенной доказательствами, а скорее практической философии, ориентированной на реализацию целей онтопсихологической практики.

Второе — это «радикальная антропологичность» теории Менегетти. В онтопсихологии все подчинено человеку как главной ценности и конечной цели философии и науки. Доказательства тезисов, носящих чисто теоретический, отвлеченный характер, но прямо не затрагивающих антропологическую проблематику, отходят на второй или даже на третий план. Менегетти интересует не бытие само по себе, но бытие человека в мире и с другими людьми: «Бытие обнаруживает себя в антропоцентрическом понимании» [5,9]. Такую «радикально-антропологическую» позицию можно сравнить с Сильным антропным принципом в современной теоретической физике, но это тема отдельного исследования.

Тесно связана с «радикальной антропологичностью» и третья особенность философского стиля Менегетти: все теоретические системы, в том числе платоновская и аристотелевская, какое бы значение для онтопсихологической теории они ни имели, носят вспомогательный характер, подчиненный практическим целям онтопсихологии. Потому они могут быть использованы произвольно, т. е. могут не быть синтезированными вместе с онтопсихологическим учением в единую, логически стройную систему.

- 1. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Соч. Калининград, 2002. С. 544.
- 2. Аристотель. О душе // Там же.
- 3. Маслоу А. На подступах к психологии бытия. М.; Киев, 1997. С. 157.
- 4. Менегетти А. Интеллект и Личность. М., 2006. С. 224.
- 5. Менегетти А. Онтопсихологическая философия М., 2007. С. 310.
- 6. Менегетти А. Основы философии. М., 2007. С. 268.
- 7. Парменид. О природе // Антология античной философии. М., 2001. С. 415.
- 8. Хайдеггер М. Что такое метафизика? [Электронный ресурс]. URL: http://epistema.narod. ru/heidegger1.htm (дата обращения: 20.11.2014).

Рукопись поступила в редакцию 27 ноября 2014 г.

УДК 27-75 + 27-732-3

Б. В. Емельянов

СВЕЧА ПАМЯТИ АВВЫ МАРКА К 150-летию М. А. Новоселова

Статья посвящена жизни и творчеству известного русского религиозного просветителя М. А. Новоселова, создателя одной из первых толстовских земледельческих коммун, издателя «Религиозной философской библиотеки», руководителя кружка ищущих христианского просвещения, деятеля «катакомбной» церкви.

Ключевые слова: толстовство, христианское просвещение, православие, церковь, Синод, имяславие, «письма к друзьям».

Рубеж XIX—XX вв., удачно названный Серебряным веком русской культуры, богат выдающимися личностями, многие из которых определили векторы ее развития каждый в своей области. Когда будет издана «Энциклопедия культуры Серебряного века», достойное место в ней займет духовный писатель, публицист и издатель Михаил Александрович Новоселов, которому 13 июля 2014 г. исполнилось 150 лет со дня рождения. Жизнь и труды Новоселова всецело были отданы «ищущим христианского просвещения», а драматические повороты судьбы связаны с защитой истин христианской веры. Жизнь к тому же подарила ему знакомство и общение с выдающимися мыслителями его времени.

Первым из них был Лев Николаевич Толстой. Не без влияния отца, лично знавшего Толстого и почитавшего его, Новоселов с детских лет был знаком с писателем, в студенческие годы увлекся его идеями и после окончания историкофилологического факультета Московского университета в 1887 г. решил получить медицинское образование и стать сельским врачом, считая, что на этом поприще он принесет наибольшую пользу. Отец воспротивился такому намерению, и тогда Новоселов решил уехать в деревню, подготовиться к поступлению в учительскую семинарию, чтобы преподавать в одной из сельских школ. О своих планах на будущую жизнь он написал 9 октября 1886 г. первое письмо Л. Н. Толстому. В нем он сообщал: «В деревне я занимаюсь так. Готовлюсь к своей будущей педагогической